

(Б7) Церковно-правовое служение

Поводом к написанию данной статьи послужила дискуссия вокруг активности возлюбленного во Христе миссионера-камикадзе протодиакона всея Руси о. Андрея Кураева, развернутой в адрес, как он выразился, «голубого лобби».

Начнем с того, что писать статью на эту тему — идея не моя. Было предложено, я согласился, и, признаюсь честно, довольно охотно. О чем еще быстрее пожалел. Потому как, в обычном режиме погружаясь в тему, я обнаружил слишком много вопросов, на которые не могу ответить и которые не умею сформулировать. Более того, я понял, что даже некоторые вопросы, на которые у меня есть ответы, я не считаю себя компетентным освещать — есть по ним специалисты. Единственно, что могу себе позволить — это изложить некоторые общие размышления по теме и осторожно поделиться скудным, хотя и насыщенным опытом, высказав несколько рекомендаций с ограниченной ответственностью.

Итак, отвлеченные размышления.

Отвлеченные от буквы (церковных канонов, мирских законов, постановлений, положений, суждений, комментариев, прецедентов, «с занесением» и без), от окружающих нас реалий этого лучшего из миров, но все же падшего и суетного, тленного. Так вот, если отвлечься от всего, что связано с обусловленностью церковной жизни удобопреклонностью ее членов ко греху — настолько «удобо-», что зачастую святость Церкви, исходящая от ее Главы и составляющая Ее сущность, сквозь грехи, пороки да немощи человеческие почти что уже и не просвечивает — следует признать, что словосочетание «церковный суд» не может не резать слух.

Этому есть несколько причин. Во-первых, так исторически сложилось, что на постсоветском пространстве к суду отношение опасно-настороженное. Это слово настолько обросло негативными коннотациями, что сути его просто не разобрать. Делай, что хочешь, а со словом «суд» неразрывно ассоциируется глаголы «осудить», «засудить», «посадить», «расправиться». В суд не «приходят», а «падают», и не в него, а «под». Как под каток, под танк, под обвал... К сожалению, такого рода ассоциации небеспочвенны.

В лучшем случае суд воспринимается как зло, призванное наказать другое зло. В суд обращаются, чтобы избавиться от какого-то худшего зла, чтобы наказать своего обидчика, но никак не за советом, не за рассуждением, не за помощью в решении недоуменных вопросов. Обращение истца в суд воспринимается ответчиком как нападение, да и сам истец так это понимает. Между тем, это в корне неверно. Суд — не карательная инстанция. Вернее, не должен ею быть, если говорить о сущности явления. Ведь почему Суд, на который явимся мы все по Воскресении, называется «Страшным»?

Для кого он страшен? — Для грешников. Потому он и страшен нам, что совесть нас зазирает. Но кому он по-настоящему страшен? — Тем, кто «подружился» с грехом. И мы не знаем, относится ли это к нам. Совесть наша беспокойна. Но в тот день все станет ясно. Кому-то Суд и в самом деле будет страшен, когда они себя обнаружат (уверен, многие с удивлением) по левую руку от Пастыря, а кому то, кто обнаружит себя среди «возлюбленных Отца» (причем еще более неожиданно для тех, кто по левую, ну и для себя самих) — не страшен ни разу.

К сожалению, земные суды и в самом деле бывают страшны порой не для преступников, а для их жертв, потому что в них заседают... люди. И как все люди, судьи тоже бывают разными. Они могут быть честными, неподкупными, умными, пронзительными, а могут быть и наоборот, глупы, порочны, продажны или, как нынче принято говорить, коррумпированы. Горе тому, чья судьба зависит от судей неправедных, которые ни Бога не боятся, ни людей не стыдятся (Лк. 18; 2).

Но если суд не карательная инстанция, тогда что он есть?

Он есть инстанция обличающая. Опять же, не в том смысле обличения, как это принято понимать, из-за распространенной подмены в обыденном словоупотреблении. Обличение — это не оскорбление, не обвинение и не выставление на позор. Бывает, что это все с обличением совмещается, но сущности обличения не составляет. Обличение — это высвечивание, выявление, прояснение, становление доступным для познания и понимания.

А вот суд-то, что совершается по обличении, когда невидимое стало видимым, различимым полностью, а не какими-то отдельными фрагментами, то есть,

осуществляемое на основании рассмотренного, изученного, исследованного. Суд по-гречески — κρίσις <крисис>. Это слово переводится еще как решение, приговор, осуждение, решительный исход, спор, состязание, а так же как толкование. Суд — обличение действительности, толкование сущности ее. Причем, что важно, Божий суд ориентирован не на взвешивание «за» и «против», не на верховенство писаного закона и даже не на торжество справедливости, тем более, не на юридически оформленную расправу, но на поиск законных оснований или хотя бы повода для оправдания ответчика.

«Тогда придите — и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю» (Ис. 1; 18). Но с чего такая милость, каков повод? При каком условии, когда это «тогда»? «Омойтесь, очиститесь...» — говорит Господь. И, чтобы укоряемые Им не подумали, будто речь идет о водных процедурах, тут же поясняет: «...удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову» (Ис. 1; 16–17).

Вот оно как... Не возмездие или формальный расчет по конкретным статьям закона, не бредовая «сатисфакция», а принесение ответчиком плодов покаяния (μετάνοια <метания> — перемена ума; от μετανοέω <метаноэо>, что значит «менять свой образ мыслей», изменять видение, понимание смысла жизни и ее ценностей) — основа для судебного решения по делу. А плоды покаяния — не просто те или иные добрые дела, но внутреннее изменение, преображение личности, формирование в душе таких качеств, которые с одной стороны порождаются этой умопеременой, с другой способствуют ей, потому что покаяние — процесс, только начинающийся осознанием греха, раскаянием в нем и его исповеданием, но продолжающийся всю жизнь. Плоды покаяния — духовные и душевные добродетели, свидетельствуемые соответствующими делами.

Возможно, читающему эти строки на первый взгляд, может показаться, что мы смешали понятия суда Божия и суда земного. Нет, просто, говоря о сущности суда истинного, справедливого, пусть и земного, неизбежно соотносишь его с Божиим судом. Правда издревле считалась обительницей небес, а мораль — даром Божиим, потому что если не по сверхъестественному Откровению, то, как минимум, интуитивно во все времена люди понимали, что любые возвышенные ценности преходящего мира только тогда могут оберегаться от подмен и злоупотреблений, когда они возводятся к своим духовным, неизменным, вечным источникам, к их Первоисточнику — Богу. Насколько это осуществимо в земных реалиях и как осуществляется — вопрос отдельный. Опять же, о каких реалиях речь? Одно дело — суд в государстве языческом или секулярном (что, по сути, одно и то же), другое — в государстве, претендующем называться христианским.

Одно — государственный суд в христианской стране, другое дело (в ней же или вне ее) — суд церковный.

И вот тут мы сталкиваемся с одной важной проблемой: какова концептуальная основа церковного суда? Существует ли она, или просто есть специфические условия, в которых сформировался церковно-канонический корпус, и есть наша реальность, к которой он применяется в зависимости от практической надобности? Это подчинение церковной жизни римскому праву или не более чем его применение в церковной ограде? Должно ли церковное судопроизводство делать не более, чем поправку (и должно ли вообще) на объективное положение дел в церковной среде, общий уровень нравственности, церковно-правовой грамотности, на заимствованные из мира, распространенные и укоренившиеся стереотипы сознания, в том числе и в области корпоративной этики, а также на этно-культурную, историческую (в том числе церковно-историческую) и политическую специфику региона, или толерантно (в медицинском, наихудшем, смысле) приспособляться ко всему этому?

Разумеется, особая концептуальная основа у церковного суда есть. Это новозаветное христианское мировоззрение. Я не случайно сказал «новозаветное», а не только «христианское», потому что последнее время христианству начинают приписывать весьма странные черты. Так вот, в качестве уточнения: не чье-то там «христианство» («сиволапое», «босяцко-цорионовское» и пр.), а то самое апостольское, православное — запечатленное в новозаветных книгах и в святоотеческом наследии, которое, слава Богу, нынче доступно и полезно (если, конечно, не вырывать фразы из контекста) для чтения и руководства по жизни.

Тем не менее, как бы это кого ни напрягало, но к тому, что церковно-судебная система стала в Русской Православной Церкви реальностью, надо бы уже привыкнуть (а желательно еще и поблагодарить Бога и всех, чьими усилиями она была разработана и функционирует). Словосочетание «церковный суд» одним кажется оксюмороном (о каком суде, о каких законах может идти речь, когда мы все под благодатью, ведь, когда начинают говорить о законе, значит, оскудела любовь... ну и прочие безумные глаголы), другими оно воспринимается в качестве какого-то рудимента то ли глубокой древности, то ли античного правового сознания, вплетенного в устройство церковной жизни.

В самом деле, чего там собираться, совещаться? — Надо клирика проучить и канонически это оформить? Так вот она — Книга Правил: открой наугад и ткни пальцем. Хотя лучше даже и не открывать ее, а сразу отпечатать указ о запрещении за «досаждение» по 55-му Апостольскому Правилу... Впрочем, нет. Три с лишним года

назад был создан судебный прецедент, в ходе которого было разъяснено, что не всякое «причинение досады», то есть не всякое действие или слово, огорчающее архиерея, следует рассматривать как «досаждение», но только явное оскорбление, хулу, клевету, брань. Вот, опять же, аргумент против: церковный суд лишь осложняет поддержание дисциплины среди клириков. Это ж подумать только! Если каждый запрещенный или извергнутый поп, несогласный со своей печальной долей изbleванного из преосвященных уст, станет искать правды в церковно-судебной системе, ссылаясь на каноны и взывая к икономии — это что ж тогда начнется (впрочем, уже началось несколько лет как)?..

Получается, уже пальцем наугад не ткнешь, да и 55 АП уже не используешь, как прежде, в качестве универсальной дубины, не думая.

Хорошо это или плохо — тут с какой стороны посмотреть, какие приоритеты выстраивать. С точки зрения той самой вышеупомянутой концептуальной основы, по-видимому, хорошо. С точки зрения удобства в управлении... не знаю, наверное, зависит от того, как смотреть на цели и задачи управления клиром и мирянами. Если целью является строить всех, кто ниже по рангу, чтобы доить их и стричь, тогда, конечно, развитие церковно-правового сознания — это все лишнее, потому как «осложняет процесс» и «создает предпосылки для нестроений».

Если же целью управления церковного является взаимодействие всех членов Церкви (каждого согласно своему призванию и положению) в свободном и осознанном устроении христианской жизни ко спасению, то удобней это осуществлять именно так: основываясь на заповедях Христовых и руководствуясь святыми канонами таким образом, чтобы они не подменяли любви во Христе, а ограждали ее от злоупотреблений. Так что, получается, при уважительном отношении к людям, если видеть в них собратьев во Христе, носителей образа Божия, церковно-судебная система не только не воспринимается как законническая колода для церковного управленца, но еще и помогает ему в пастырском и архипастырском служении.

Проблема церковного правосознания в каждом индивидуальном случае состоит в том, как христианин осмысливает Церковь и, соответственно, церковную жизнь во всей ее многоаспектности. Каноническому мышлению предшествует экклезиологическое, которое и определяет правоприменительную практику. Если Церковь мыслится как «государственная скрепа» или военизированное ритуально-досуговое предприятие, тогда понимание сущности и значимости церковных правил, и, соответственно, их применение будет обеспечивать эксплуатацию Православия в качестве суррогата

общенациональной идеологии и как инструмента национально-ритуальной самоидентификации, или банальное самоутверждение и деспотизм в худшем смысле этого слова.

Если же под Церковью понимается богочеловеческий организм, тогда и корпус канонического права видится принципиально иначе, и отношение к церковно-судебной системе — в корне иное.

Суд, как уже было сказано выше, инстанция, в которой разбираются: тщательно, в контексте церковного веро- и нравоучения и с учетом разнообразных условий (в том числе и общего уровня нравственности и благочестия) исследуются обстоятельства дела, заслушиваются все стороны, взвешиваются аргументы и не просто подбирается применимый канон — самое главное — ищутся пути для уврачевания как болезненной ситуации в целом, так и ее участников.

Это важнейший, принципиальнейший момент церковного судопроизводства, без которого оно теряет смысл как церковное, потому что Церковь — Ковчег спасения, а спасение это не просто избавление от какого-то бедствия, это — исцеление, оздоровление (слово σωτηρία <сотирия>, которое традиционно переводится на русский как «спасение», происходит от σώζω <созо> (спасать, сохранять), последний же одного корня с прилагательным σῶς <сос> — целый, здоровый, невредимый, неповрежденный).

Слово «наказание» переводится со славянского языка на русский как «научение». Если наказание не учит, не вразумляет, более того, если оно не преследует именно воспитательную цель, вразумляющую и исцеляющую, спасительную, или если оно претендует на это, но не адекватно декларируемой цели, то никакое это не наказание, а кара, месть, расправа (вероятно, показательная), но не наказание.

Задача церковного суда не только в том, чтобы расследовать дело, выявить церковное правонарушение и доказать его, а затем вынести приговор. И это есть, но не главное. Главное — всесторонне изучить дело и не только доказать событие преступления, но еще понять, что, а главное, почему к нему привело, чтобы, по возможности, ликвидировать породившую его почву и продумать исцеляющие и профилактические меры для оздоровления как церковной жизни в целом, так и конкретных личностей, и только в крайнем случае прибегать к «хирургическим» мерам, применяя каноны по всей строгости.

Это все была теория, теперь — практика.

Поводом к написанию данной статьи послужила дискуссия вокруг активности возлюбленного во Христе миссионера-камикадзе протодиакона всея Руси о. Андрея Кураева, развернутой в адрес, как он выразился, «голубого лобби». Я, в отличие от него, не берусь утверждать, существует оно или нет, потому, что не располагаю доказательствами. Вероятно, о. Андрей таковыми располагает, поэтому совершенно спокойно называет конкретные имена, не опасаясь, что кто-то из названных им лиц, подаст на него в Церковный суд за нарушение 6 правила II Вселенского Собора, согласно которому клеветник несет наказание, которому подпал бы оклеветанный, если бы интрига удалась.

В полемике, развернувшейся на просторах русского сегмента Всемирной паутины, не раз задавался вопрос о том, почему с этой информацией он обратился к немаленькой аудитории своего ЖЖ, а не в Церковный суд. В частности, Игорем Гасловым о. Андрею была напрямую предложена помощь в подготовке документально аргументированных обращений в Общецерковный суд. Ответа на это предложение не последовало. Возможно, причина в том, что о. Андрей, как он сам неоднократно объяснял, не видит в Положении о церковном суде Русской Православной Церкви (далее — Положение) формальных оснований для таких заявлений со своей стороны. При этом о. Андрей ссылается на статью 34-ю Положения, в которой сказано, что на архиерея может подавать в суд только его клирик.

Охотно готов согласиться с о. Андреем, что текст Положения не идеален. Так оно и не претендует на статус 28-й книги Нового Завета. Но для того, чтобы этот документ был конструктивно доработан, необходимо сначала как следует обкатать его на практике. А правоприменительная практика, вскрывает богатое разнообразие канонических коллизий в церковной жизни, одновременно давая толкование тому, что не вполне доходчиво для простых смертных сформулировано в этом нормативном документе. Единственно, в чем я с о. Андреем не могу согласиться, так это в том, что текст Положения не позволяет ему инициировать дела, по конкретным персоналиям, о которых он сообщил нам в Интернете.

Кроме 34-й статьи, есть еще и 33-я, во второй части которой говорится, что дело передается в Общецерковный суд первой инстанции распоряжением Патриарха Московского и всея Руси или Священного Синода на основании заявления о церковном

правонарушении, а также на основании сообщения о совершенном правонарушении, полученного из иных источников. «Обратите внимание на второе основание, — комментирует Игорь Гаслов. — Т. е. для передачи дела в Общецерковный суд не нужно даже заявление. Достаточно сообщения о совершенном церковном правонарушении, например опубликованного в СМИ. Естественно это должны быть не анонимные рассказы, не намеки, не сообщения типа „это и так всем известно“, „это у него на лице написано“».

Так что механизм решения проблем есть. Другое дело, что можно понять и тех, кто опасается обращаться в Общецерковный суд. Пока будет тянуться время с подачи заявления до передачи дела в производство (а вдруг и до этого не дойдет?), а потом до самого заседания (а собирается Общецерковный суд нечасто), этого клирика по месту канонической прописки раз десять успеют заставить пожалеть о своем опрометчивом поступке и отозвать жалобу. Рычагов для этого достаточно. Да и откуда истец знает, какое в Патриархии к нему будет отношение, когда он туда явится, да и чего ему ждать хорошего, если его жалобу на своего правящего архиерея или апелляцию на утвержденное им решение Епархиального суда, или на лично им наложенное прещение будут рассматривать тоже архиереи? Где гарантия, что у них не возобладает корпоративная солидарность?.. Уверяю вас, что еще и не такие мысли у него будут вертеться в голове. И что же ему тогда делать?

Ну, во-первых, гарантию, как говорится, дает только страховой полис, а Бог — надежду. Во-вторых, на тему терзания смутными сомнениями я позволю себе чуток поделиться опытом.

В 2010 г. мне пришлось обратиться в Общецерковный суд с апелляцией на архиерейский указ о моем запрещении в священнослужении. Ситуация интересна как раз тем, что если читать Положение поверхностно, может показаться, что подавать апелляцию в Общецерковный суд можно лишь на решение Епархиального суда, но не на указ архиерея, а у меня именно такая ситуация и была: Синод ЭПЦ МП не вынес никакого постановления по моему вопросу (отцы между собой решили, что не все так просто и необходимо, прежде чем что-то решать, со мной еще поговорить), и тогда архиерей запретил меня своей властью.

Я незамедлительно съездил в Москву и подал апелляцию на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, который, спустя некоторое время, направил ее в Общецерковный суд.

С момента вручения мне указа о запрещении до судебного заседания прошло полгода. Что такое запрещение в священнослужении и как это пережить — тема особая и сейчас нам на нее отвлекаться не по формату, но скажу одно: если бы не поддержка добрых людей, я вполне мог бы свихнуться или познать сладость диабетических осложнений. За эти полгода мне неоднократно советовали отозвать апелляцию, признать все, что угодно и как угодно, только добиться снятия запрета, потому что если дело таки дойдет до суда, это может вообще закончиться для меня лишением сана.

Надо отметить, что уговаривали меня не какие-нибудь недоброжелатели, а наоборот, люди очень хорошо ко мне относящиеся, да еще к тому же и хорошо информированные, поэтому предостережение о перспективе лишиться сана я принял всерьез и с трудно подавляемым ужасом. Более того, чем ближе к суду, тем настойчивее звучали эти голоса. Даже Игорь Гаслов, который, спасибо ему, помогал в составлении апелляции, и тот изо всех сил убеждал меня отступить, считая дело безнадежным.

За несколько дней до судебного заседания мне надлежало явиться на прием к руководителю Контрольно-аналитической службы Управления делами Московской Патриархии (далее — КАС УДМП) игумену (ныне архимандриту) Савве (Тутунову). Ничего особо хорошего для себя я не ждал. Во-первых, я вообще не люблю всяческий официоз, не ориентируюсь в нем, а потому чувствую себя, мягко говоря, некомфортно в «коридорах власти» и на всевозможных мероприятиях с участием VIP-персон. Во-вторых, я отдавал себе отчет, что иду на допрос, что само по себе радовать не может. Так вот, это двойное напряжение было снято в один момент, как только появился о. Савва.

Он каким-то непостижимым образом умудряется сочетать братскую любовь с чиновничьей деловитостью. Формально это был допрос, но осуществлялся он с такой доброжелательной недемонстративной корректностью и сосредоточенным вниманием, с настолько неподдельно искренним стремлением вникнуть, разобраться и установить истину; при этом он вел беседу не только в спокойном настроении, ровно, обстоятельно, без лишних эмоций, но именно в мирном Христовом духе... Это было неожиданно.

Выходил я из его кабинета с надеждой, что и судьи проявят такое же понимание, хотя прекрасно отдавал себе отчет, что им это будет сделать нелегко. Дело не только в корпоративной солидарности, которой могут быть не чужды судьи в архиерейском сане, но еще и в том, что их решения, как я понимаю, не должны быть слишком тревожными

для собратьев-архипастырей. Между тем, всякое судебное решение, вынесенное ими в пользу священника, конфликтующего со своим владыкой — это (как минимум) тревожный звонок для тех архиереев, которые привыкли чувствовать себя абсолютными хозяевами душ и телес подвластных им клириков. Поэтому от судей, кроме объективности (не говоря уже о мудрой и милосердной справедливости), требуется изрядная, скажем так, дипломатичность и немалое мужество.

Надежды мои, в основном, оправдались. Обвинение в нарушении 55-го Апостольского Правила было признано обоснованным, но в отношении 39-го я был частично оправдан (со всеми решениями Общецерковного суда, в том числе по упоминаемому делу <http://www.patriarchia.ru/db/text/1331729.html/>, можно ознакомиться на сайте Московской Патриархии). Принимая во внимание, сделанное в самом начале заседания, мое покаянное заявление (в котором я выражал сожаление о скорби, причиненной своему архиерею, и о вынужденности ряда своих действий), а также полугодовой период нахождения под запретом (в государственном судопроизводстве это называется «зачесть срок нахождения под стражей»), судьи постановили снять с меня запрещение в служении. Спустя менее двух недель это решение было утверждено Патриархом и вступило в силу.

Не вдаваясь в подробности дальнейших событий, начнем подводить итоги в виде нескольких замечаний и выводов.

Апелляция на архиерейский указ о запрещении? Как можно?..

Что священнослужитель может подавать в Общецерковный суд первой инстанции жалобу на своего правящего архиерея (как, например, в случае с о. Павлом Адельгеймом в 2010 г.), это ясно следует из текста Положения; что может подавать апелляцию на решение Епархиального суда — об этом тоже предельно ясно сказано. А вот может ли он подавать апелляцию на указ своего правящего архиерея?

«Вопрос, конечно, интересный», так как бытует мнение, что нет, якобы в Положении такой вариант не предусмотрен. Так я потому и описал свой случай, что он как раз из этой категории. Я ведь не подавал в суд на своего архиерея, но всего лишь опротестовал его указ. Как уже упоминалось выше, если читать Положение поверхностно и вне контекста Священного Предания, вне православной экклезиологии, то вполне может показаться, что моя апелляция была принята в нарушение соборно

утвержденного документа.

Что ж, давайте разбираться. Для начала предлагаю обратить внимание на фрагмент интервью о. Саввы обозревателю газеты «Известия» Борису Клину, опубликованного на сайте Московской Патриархии /<http://www.patriarchia.ru/db/text/1249515.html/>: «Очень часто священники сетуют на свое полное бесправие в отношениях с архиереем, который может просто запретить в служении», — говорит журналист. — «Всякий священник, считающий, что с ним поступили несправедливо, — отвечает о. Савва, — имеет право направить апелляцию на имя Предстоятеля. Патриарх Кирилл дал четкую установку: любая жалоба на его имя должна быть изучена, и на нее должен быть направлен обстоятельный ответ».

Обратите внимание на контекст: речь об апелляциях на архиерейские личные указы.

Чтобы ни у кого не закралось сомнение, что это административный произвол, попирающий соборно принятое Положение, вчитаемся в содержание 3-ей статьи:

1. Полнота судебной власти в Русской Православной Церкви принадлежит Архиерейскому Собору Русской Православной Церкви, именуемому в дальнейшем тексте настоящего Положения „Архиерейский Собор“. Судебная власть в Русской Православной Церкви осуществляется также Священным Синодом Русской Православной Церкви, именуемым в дальнейшем тексте настоящего Положения „Священный Синод“, и Патриархом Московским и всея Руси.

Осуществляемая Общецерковным Судом судебная власть проистекает из канонической власти Священного Синода и Патриарха Московского и всея Руси, которая делегируется Общецерковному суду.

2. Полнота судебной власти в епархиях принадлежит епархиальным архиереям.

Епархиальные архиереи самостоятельно принимают решения по делам о совершении церковных правонарушений в случае, если данные дела не требуют исследования.

Если дело требует исследования, епархиальный архиерей передает его в епархиальный суд.

Причем делегирование делегированию — рознь. Одно дело, когда Патриарх или Синод делегируют судебную власть Общецерковному суду, состоящему из архиереев, и совсем другое, когда архиерей делегирует свою судебную власть Епархиальному суду, состоящему из священников, не обладающих полнотой судебной власти даже в рамках своих приходов. Если Общецерковный суд — это как малый архиерейский собор, то суд епархиальный — что-то вроде консультативного совета при правящем архиерее.

Самое главное, в контексте поставленного вопроса, то, что архиерей передает дело в епархиальный суд лишь тогда, когда оно, по его мнению, «требует исследования». А если он, допустим, недооценивает сложность дела? Или мало ли еще какие уважительные или неуважительные причины побуждают его решить дело самостоятельно? Даже если дело не рассматривалось коллегиально, архиерейское решение — это такое же решение церковного суда епархиального масштаба, просто вынесенное в упрощенном порядке. И правоприменительная практика показывает, что Общецерковный суд второй инстанции не ограничен рассмотрением лишь коллегиально вынесенных судебных решений, но существенным признаком судебного решения епархиального уровня признает архиерейское решение, будь то в виде утверждения постановления епархиального суда, будь то в виде собственного указа.

Думаю, все предельно ясно.

Судебный процесс.

Следующее, что надо иметь в виду: производство в Общецерковном суде закрытое не только от любопытствующей публики, но и от сторон, каждая из которых дает показания отдельно. Это сделано в интересах уязвимой стороны, но содержит некоторое неудобство: каждая сторона не в курсе, что о ней говорит противная, и не может опровергнуть ложь, если кто-то из судей не сочтет нужным прямо задать соответствующий вопрос. Кстати, не надо тушеваться, если вопрос будет задан в риторической форме и в обвинительном тоне.

Из того, что судья архиерей, еще не следует, что он страдает комплексом власти, и аргументированное, корректное париование высказанного им обвинения воспримет как личное оскорбление. Все владыки, заседающие в Общецерковном суде — доброжелательные, опытные и мудрые архипастыри, способные внимательно выслушивать и анализировать информацию. Не надо путать строгость с жестокостью, цепенеть и терять дар речи, но если по какой-то причине судья что-то понял превратно, соберитесь, помолитесь, успокойтесь и внесите ясность. Главное, сами не бойтесь переспрашивать, если не все поняли или не расслышали что-нибудь.

А что потом?

Потом все может быть очень разнообразно. Хорошо, если не только вы настроены миротворчески, но и ваш архиерей тоже. А если нет? Именно это и останавливает многих пострадавших клириков от апелляций: они прекрасно понимают, что если архиерей останется на кафедре (а он на ней останется 100%, если речь идет всего лишь о жалобе на указ о запрете, а не о железобетонно доказанных обвинениях в каком-либо тяжком преступлении), он сумеет сделать так, чтобы вы пожалели не только об апелляции, но и сам факт своего рождения начали бы рассматривать как злостное недоразумение, обусловленное роковым стечением обстоятельств. При этом все будет сделано так, что формально никаких претензий вы уже предъявить не сможете. Будете ходить как по минному полю, опасаясь дать повод для нового запрета, и радоваться возможности служить хотя бы за пределами своей епархии. Хорошо, если у вас появится возможность устроиться в другой епархии, а владыка отпустит. Если же вы связаны какими-то обязательствами, не позволяющими уехать... «Черный сценарий» можно было бы расписывать еще долго.

Так стоит ли?..

А вот это уже вопрос не столько здравого смысла, сколько совести. В любом случае, предпочтительней всего примирение в досудебном порядке. И для этого надо сделать все... нравственно приемлемое. Если же ничего из этого не получается, возможны варианты: апеллировать или нет. Если репрессированный клирик предпочитает ждать, что ситуация сама изменится к лучшему, или надеется преклонить архиерея на милость, стараясь не раздражать его, кажущимися безнадежными попытками искать правды в Москве — это его личный выбор, если речь идет об апелляции на судебное решение, и он будет прав, что бы ни решил.

Если же мы говорим о целесообразности обращаться в Общецерковный суд первой инстанции по причинам, затронутым о. Андреем Кураевым, то вопрос уже не в том, удастся ли до суда дожить и после него выжить, а в том, кто ты, если можешь что-то предпринять против мерзости, но, по малодушию, пассивно в ней соучаствуешь, помалкивая о фактах, покрывая растлителей и насильников, попустительствуя укоренению порока, карьерному возвышению его носителей, а также их размножению путем кадрового почкования?

Стоит ли?! Что чего стоит? Стоит ли страдать за Церковь Христову и за ближних, за «малых сих», чьи души калечатся соблазном? Что ж, дело совести.

<http://www.pravmir.ru>